

Глава первая

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Итак, XVIII век. Непокойно на суше, беспокойно и на море...

Шалости на больших дорогах, естественно, продолжались при любых властях, как власти с ними ни боролись. Рассказывать о них подробно вряд ли есть смысл, очень уж стандартно все происходило: налетели из чащи с посвистом, ободрали до нитки и растворились в лесах. Хорошо еще, если живыми оставили. Поэтому я просто-напросто расскажу о парочке безусловных курьезов, явно выбивавшихся из общей картины.

Петр I в числе других реформ ввел своеобразное женское равноправие. Нашлась помещица, которая однажды явно подумала что-то вроде: «Неужели только мужикам можно? А мы чем хуже?» И, собрав ватагу

из своих холопов и разного «гулящего люда», занялась ночными разбоями и грабежами не где-нибудь в Муромских лесах, а в Москве.

В одной из глухих провинций развлекался другой помещик, отставной прапорщик. Именно что развлекался. В глуши всегда скучно, набор развлечений нехитрый, и они быстро приедаются: ну, охота, ну, застолье, ну, крепостные девки в бане... Отставник явно почитывал на досуге книги — в том числе и о шалостях бывших европейских «баронов-разбойников». Он со своей ватагой частенько перехватывал на большой дороге купцов — но, в общем, особенно их не грабил, а попросту сажал на цепь у себя в подвале. Причем выкупа, как некогда поступали «бароны-разбойники», никогда не требовал: я же говорю, развлекался человек от скуки. Издевательств не чинил: подержав недельку-другую, отпускал восвояси. Купцы не раз жаловались по начальству на этикие «ролевые игры» — но прапорщик, даром что чин невелик, был не из бедных, связи среди нужных людей в администрации и полиции имел нешуточные, так что жалобщиков отправляли восвояси...

Американские феминистки, яростно борющиеся за «права женщин» так, что дово-

дят эту борьбу до сущего дурдома, должны были, по совести, обзавидоваться. В середине XVIII века, когда их прапрабабушки исправно жарили котлеты, стирали-убирали, смиренно сносили затрешины пришедших в дурном настроении мужей, наши бойбабы, то есть русские провинциальные помещицы, вытворяли такое, на что не всякий мужчина решился бы...

В Оренбургской губернии вдова титулярного советника Турчанинова, не удовольствовавшись той землей, что ее покойный муж купил у башкир за копейки, уже ничего не платя, взяла да и захватила довольно обширные угодья.

Но это, смело можно сказать, цветочки. Однажды случилась ссора меж соседями: лейб-кампанцем Фрязиным и помещицей Побединской. Фрязин и его сосед прискакали на поле Побединской и принялись лупить работавших там крестьян. Те побежали за подмогой к барыне. Барыня собрала изрядное число своих мужиков и пошла в контратаку на дом Фрязина. Оттуда приближавшуюся ораву обстреляли из ружей. Нисколько этого не испугавшись, Побединская велела своим людям «бить до смерти».

Ну, те и рады стараться — убили до смерти и Фрязина, и его соседа..

В 1780 году две помещицы, Ирина Ушакова и Настасья Анненкова, тягались в суде из-за какого-то поместья, которое каждая считала своим. Настасье, должно быть, надоела судебная волокита — она собрала в своих деревнях аж три сотни мужиков, выступила в поход на «змею Иринку», и ее люди полностью опустошили спорное поместье, разнеся там все вдребезги и пополам.

Некий прапорщик Войеков подал жалобу на свою мачеху — та с немалой оравой своих мужиков вторглась к нему в усадьбу. Ее люди убили нескольких крестьян Войекова, а мачеха отняла и увезла немало всякого добра, в том числе документы, доказывавшие права прапорщика на имение. Правды прапорщик так и не доискался — мачехе покровительствовал местный городничий.

Племянница помещицы О.М. Салтыковой вспоминала, что ее тетушка «держала в повиновении и мужа, и детей, и даже весь наш уезд. К ней прибегали за советом и помощью в делах общественных и семейных».

Княгиню Варвару Голицыну отчего-то невзлюбили в московском и петербургском

обществе и принимали там скверно. Все-ррез комплексовавшая из-за этого княгиня оттягивалась у себя в саратовском имении. Все окрестные помещики у нее ходили по струнке, а она ими командовала, как сержант новобранцами.

Каковы наши бабоньки? Попадись такой под горячую руку... Вот где был настоящий феминизм, а не нынешняя американская бледная немочь...

Очень интересные вещи происходили в Средиземном море после Чесменского сражения, закончившегося для турецкого флота с разгромным счетом. Второй — и последний — раз в истории появляются российские каперы...

Но давайте по порядку. Ситуация сложилась в некоторое подобие цейтнота: на суше у турок было достаточно войск, и потому немногочисленные русские десанты никаких успехов там не добились. По этой же причине не стали штурмовать Стамбул — хотя мысль такая высказывалась.

А вот в Эгейском море полное и решительное превосходство было как раз за русским флотом, которому туркам теперь практически нечего было противопоставить.

А потому в 1770 году эскадра Алексея Орлова без боя заняла стратегически расположенный остров Парос, базируясь на котором можно было легко контролировать как южную часть Эгейского моря, так и подступы к Дарданеллам. А заодно за несколько месяцев русские заняли еще двадцать семь островов Архипелага (так тогда называли острова в Эгейском море). Турки никак воспрепятствовать не могли: чтобы высадить на острова более-менее крупные силы, нужно было иметь превосходство или хотя бы равенство сил на море, а откуда оно после Чесмы?

Русские осваивались всерьез: на Паросе построили самое настоящее адмиралтейство, склады с боеприпасами и прочей военной амуницией, даже мраморные особняки для нового русского начальства (одним из начальников был бригадир Ганнибал, сын знаменитого «арапа Петра Великого» и один из предков Пушкина). Из России привезли даже корабельных мастеров — чтобы чинили большие военные корабли и строили всевозможные мелкие суда, парусные и гребные.

С чего начинается любая власть, осваивающая новоприсоединенные территории? Правильно, с налогов. Уже через неделю по-

сле высадки на Паросе адмирал Спиридов потребовал у греков все документы тамошнего «налогового ведомства», тщательно их изучил и вскоре объявил, что отныне они будут платить русским «десятину» — часть деньгами, часть вином, хлебом, прочей провизией, а также лесом (эскадра, собственно говоря, должна была жить на самообеспечении, русская казна расходы на ее содержание не потянула бы).

Греки повздыхали (белые придут — грабят, красные придут — грабят...), но деваться было некуда, пришлось платить. Благо не было нужды создавать свою, русскую «налоговую полицию». На островах давным-давно действовал отлаженный аппарат: там имелись как православные, так и католические общины, и их епископы давненько играли при турках роль губернаторов и городничих, судей и сборщиков налогов (турки, люди прагматичные и отнюдь не фанатики, долго и часто использовали «гяуров», как в вышеперечисленных, так и в дипломатических делах). Согласно известному высказыванию не родившегося еще тогда Дэн Сяопина: «Не важно, белого цвета кошка или черного, лишь бы

мышей ловила». Так что оставалось лишь собрать всех этих «аппаратчиков» в рясах и поставить перед ними новые задачи — точнее, объяснить, куда теперь заносить.

Сколько налоговых поступлений было официально заприходовано для российской казны, а сколько осело в карманах надзирающих и управляющих, точно неизвестно. Тут уж каждый волен судить в меру своей испорченности. Однако, зная русские (и не только русские) традиции, смело можно сказать: мимо своего кармана начальство не промахивалось...

Да и при столь обширном строительстве приписок наверняка хватало — опять-таки старая добрая традиция всех времен и народов, должно быть, бытовавшая еще во времена строительства египетских пирамид, а то и раньше. Чтобы на время отвлечься от вульгарного казнокрадства и перейти к высокой поэзии, процитирую-ка я одно из стихотворений Редьярда Киплинга:

Далеко ушли едва ли
мы от тех, что попирали
пяткой ледниковые холмы.
Тот, кто первый лук носил,

всех других поработил –
точно так же, как сегодня мы.
Тот, кто первым в их роду
мамонта убил на льду,
стал хозяином звериных троп.
Он украл чужой челнок,
он сожрал чужой чеснок,
умер — и зацапал лучший гроб.
Так и шло — все шито-крыто.
Жулики и фавориты
ели из казенного корыта.
И секрет, что был зарыт
у подножья пирамид,
только в том и состоит,
что подрядчик, хотя он
уважал весьма закон,
облегчил Хеопса на мильон.
А Иосиф тоже был
жуликом по мере сил –
зря, что ль, провиантом ведал он?
Так что все, что я спою
вам про Индию мою,
тыщу лет не удивляет никого.
Так уж сделан человек:
ныне, присно и вовек
царствует над миром воровство...

А ведь были еще и казенные турецкие деньги и масса имущества, после появления русских оставшиеся бесхозными. Сколько из всего этого попало в казну, а сколько, деликатно выражаясь, казну миновало, уже никогда не определить точно.

Очень скоро обнаружился еще один нешуточный источник доходов: острова были форменным образом набиты всевозможными древнегреческими памятниками искусства: колонны и статуи, «штуки, на коих старинные греческие слова», как писал в отчете один из русских моряков. «Древняя мраморная штука», как их именовал в отчетах адмирал Спиридов, вывозили тысячами пудов.

Справедливости ради нужно отметить, что все это в полном смысле слова было бесхозным. Турки очень долго все эти мраморные древности попросту пережигали на известь. А сами греки, образованием не отягощенные и как-то подзабывшие о былом величии Древней Эллады, разбивали «древняя мраморная штука» на куски, используя их в строительстве домов и сараев для коз.

Зато русские к тому времени уже неплохо разбирались в «антиках» и понимали, что место им в музее... ну, или в поместье ка-

кого-нибудь знатного барина. Еще Петр I однажды провернул не то чтобы аферу, но комбинацию, которую, безусловно, одобрил бы Остап Бендер.

В папских владениях вырыли великолепную древнегреческую статую, явно изображавшую кого-то из богинь. Рук она, правда, лишилась в результате каких-то древних перипетий, но, в общем, сохранность оказалась идеальной. Прослышав об этом, Петр отправил в Ватикан своих посланцев, чтобы купить беломраморную красотку для своей Кунсткамеры. Папа продавать отказался: он был человеком образованным, в антиквариате понимал толк, сам коллекционировал древности. Тогда русские сделали изящный ход: заявили, что готовы поменять эту «голую языческую девку» на мощи весьма почитаемой у католиков Святой Бригитты, найденные в каком-то монастыре в Прибалтике. И позаботились, чтобы это известие как можно шире распространилось среди римской «общественности».

Папу форменным образом загнали в угол. Он прекрасно понимал, что статуя представляет собой нешуточную ценность, а вот мощи — сплошь и рядом дело мутное. Еще